

Должен сообщить, что все, изложенное в этой книге, есть полная и абсолютная фантазия автора, не имеющая никакого отношения к действительности. Все действия происходят исключительно в параллельном мире. А все упоминаемые автором континенты, страны, города, горы и реки, а также актеры и режиссеры, политические деятели и бизнесмены, инженеры и программисты, певцы и телеведущие и иные публичные и частные лица не имеют никакого отношения к реальности и являются абсолютно вымышленными персонажами из параллельной реальности. Даже если имена и названия некоторых из них покажутся вам знакомыми.

Я стоял на сцене Dorothy Chandler Pavilion и смотрел на совсем не худенькую и не очень-то симпатичную, но чертовски талантливую американку средних лет, с улыбкой протягивающую мне микрофон. Мы с ней были достаточно близко знакомы. А как иначе — все-таки как-никак она снималась в трех моих фильмах. Так что она смотрела на меня вполне доброжелательно и даже поощряюще. Мол, давай, при-

атель, вперед — ты добился своего и вознесся на самую вершину мира. Покажи же ему, как ты крут! Она даже не представляла, насколько точно угадала мои намерения... Я взял микрофон и оглянулся. Позади меня стояла целая толпа: Гай, Квентин, Анджелина, Брэд, Кейт и старина Картрайт, который, как обычно, обильно потел и потому даже здесь, на сцене, старался исподтишка вытереть лицо и обширную лысину ставшим уже почти насквозь мокрым платком. Моя команда... Те, кто помог мне сделать самую крутую молодую студию Голливуда. Они были пока еще очень молоды, но уже, без всякого сомнения — звезды. Я тихонько вздохнул. Простите, ребята, но после того, как я скажу все, что собираюсь, у вас начнется очень тяжелый период. И, возможно, кое-кто из вас не сможет пережить его без потерь. Без очень тяжелых потерь... Да и ты, Вупи, тоже прости. После всего, что я сейчас скажу, тебя вряд ли когда-нибудь еще пригласят вести церемонию награждения «Оскар». Но так надо!

Я сделал шаг вперед и с извиняющейся улыбкой взял микрофон из рук Вупи Голдберг. После чего повернулся к залу, наполненному тремя тысячами, без сомнения, самых красивых, ухоженных, роскошно одетых, богатых и невероятно успешных людей планеты Земли, за которыми в прямом эфире с жадностью наблюдали еще несколько десятков миллионов человек, и поднес его к губам...

* * *

Это утро началось вполне обычно. Я проснулся около шести часов и долго лежал, собираясь с силами для того, чтобы встать. Если тебе восемьдесят девять,

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. И СНОВА ЗДРАВСТВУЙТЕ!

то твой день, как правило, начинается с боли. Ноют суставы. Колет в боку. Позвоночник раздраженно напоминает о том, что ты лежал целых шесть часов. Да мало ли болячек успевают накопить организм к этому возрасту? Но я не жаловался. Все равно ведь вариантов нет. Теломерная терапия сохраняет эффективность где-то до пятидесяти пяти, максимум шестидесяти лет, а появилась она, когда мне как раз шестьдесят и стукнуло. Ну а более-менее приемлемой по цене стала вообще лет пятнадцать назад. Самый же дешевый курс «эмаосент-восстановления», которое, как говорят, является достаточно эффективным в любом возрасте, до сих пор стоил от десяти миллионов. Ну а таких денег не было не то что у меня, но и у всей семьи в целом... Нет, идея «собрать папе/дедушке/прадедушке» у родных регулярно возникала, особенно у самых молодых представителей семьи — внуков и правнуков, но я ее успешно блокировал. На курс они, может быть, и собрали бы, но точно при этом залезли в долги, которые потом долго очень отдавали. А у большинства ведь уже и свои семьи имеются. Ну или планируются в ближайшем будущем... Так что незачем ради такого старика, как я, в долги залезать. Им и так найдется на что кредиты набирать. Дети, жилье, а там и собственная теломерная терапия на подходе. Первые-то курсы довольно дешевы, а вот уже начиная с третьего цена начинает расти практически по экспоненте... Вследствие чего выбора у меня особенно не было — или живи и страдай, или умри. Умирать же пока не очень хотелось. Да и страдания были по большей части именно по утрам. То есть с момента как проснулся и до того, пока не сделал зарядку.

Полежав где-то минут пятнадцать, я решил, что пора прекращать маяться ерундой и надо вставать.

— Эхк... — Ноги с кровати удалось скинуть с большим скрипом и слегка застонав.

— Уфпв... — Захрустевший позвоночник выразил свое неудовольствие резкой болью, заставив меня замереть на несколько мгновений.

— Ы-ых. — Подъем на ноги обошелся уже легче, заставив лишь слегка охнуть и напрячь дрябловатые старческие мышцы. Боль же, сопроводившая это движение, на фоне двух предыдущих казалась почти незаметной.

Сделав шаг вперед, я выдохнул и остановился перед комодом, над которым висело довольно большое зеркало, после чего оглядел себя и повел плечами. Да уж, красавчик... Седой, всклокоченный со сна чубчик надо лбом, который из-за парочки солидных залысин казался куда большим, чем он был на самом деле, лицо, изрезанное морщинами будто грецкий орех, и дряблая кожа, густо покрытая пигментными пятнами. Я криво усмехнулся своему отражению и, глубоко вздохнув, наклонился вперед, положив ладони на комод.

Первые движения чжэнъяцзянь прошли со скрипом и хрустом. Но с каждым прогибом позвоночник гнулся все легче и легче. Затем пошли цзяоча шуанлуньбэй, а после них — оба жаохуань. Сначала жаохуань даньби, а потом и жаохуань цзою. После махов руками я перешел к ногам. Чжэнбаньтуй, цзятуй, хоятуй... В оздоровительном ушу все базовые движения достаточно просты. Чуть более сложно правильно дышать. Ну да технику я вообще не использовал.

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. И СНОВА ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Она применяется во время акробатических элементов или прыжков — а это явно не мой вариант. Мне достаточно просто на ногах стоять более-менее уверенно. Но и переходы от тоу к шэнь и уж тем более к цзю тоже не сахар. Чуть сбился — и все. Эта песня хороша — начинай сначала. Что же касается всякой мистики типа ци — то я в это просто не верил. Энергии, силы — да чушь все это... Нет, время от времени возникали некие странные ощущения, но я считал это либо результатом самовнушения (хоть я и считал это чушью, но ведь что телевизор, что интернет чуть не лопались от всяких разглагольствований на эту тему), либо просто итогом хорошей разминки. Кровь быстрее побежала и всякие хрящики, связки, суставы хорошенько размялись — вот и срабатывает этаким «эффект плацебо»...

По идее, можно было бы не заморачиваться этой модной восточной муйней, а делать какой-нибудь из обычных армейских комплексов вольных упражнений на шестнадцать счетов, но пять лет назад, когда умерла жена и я свалился в депрессию, внук взял и оплатил мне занятия в секции ушу. И не просто оплатил, а еще и каждый день срывался с работы и лично отвозил меня на занятия, а потом забирал и привозил домой. Вот я как-то и привык. Да и внука не хотелось обижать... Впрочем, тогда меня пасли все. И дочь, которой нынче уже исполнилось шестьдесят один, и сын, которому стукнуло пятьдесят четыре, и внуки — все семеро и даже старшие правнуки. Особенно Алена. Прабабушкина любимица. Недаром ее и назвали в честь прабабки... Правнучка вообще переехала ко мне и спала в соседней комнате. Даже на

свиданья с мальчишками отсюда бегала... Уж больно по мне тогда ударила смерть жены. Все-таки шестьдесят лет вместе — это не шутка!

Закончив с зарядкой, я выдвинул верхний ящик комода, на который опирался при выполнении упражнений, и, достав свежее полотенце, двинулся в душ. В хорошо размятом теле боли почти не чувствовалось. Так — редкие отголоски. Ну и суставы похрустывали...

Когда я вышел из душа, в квартире обнаружился гость. Вернее, гостя.

— Привет, дедуль, я на минутку! — Алена чмокнула меня в щеку и тут же плюхнулась к компу. — Я тебе там омлетик сварганила, пока ты мылся. Завтракай!

— Что, у самого руки отсохли бы? — пробурчал я, направляясь на кухню. — Совсем, что ли, инвалид?

Но на сердце все равно потеплело. Внуки и правнуки регулярно забегали ко мне по утрам — поведать, спросить, надо ли чего, сгонять в магазин, но завтраки мне делала только Алена.

— Де-ед, — догнал меня звонкий голосок правнучки, когда я уже вышел из комнаты, — а какой у тебя пароль на компе? Напомни, а...

— Ты же знаешь?! — удивился я.

— Да забыла уже! Он у тебя такой замороченный...

— И никакой не замороченный. Всего семь цифр. Это номера выигрыша американской лотереи...

— За которым никто не пришел, — весело закончила за меня Алена. — Это случилось в девяносто каком-то году. Помню-помню, ты мне рассказывал. Но сами цифры я забыла. И цифр точно не семь, а больше.

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. И СНОВА ЗДРАВСТВУЙТЕ!

— Семь, — категорично заявил я. — Просто большая часть — двойные, — и без запинки продиктовал весь набор.

— Вошла! — весело крикнула правнучка, когда я отрезал первый кусок омлета. — И чего ты попроще что-нибудь не поставишь?

— Потому что чего попроще я могу забыть. А этот пароль у меня намертво в память вбит, — усмехнулся я. — Еще с тех же девяностых, — а потом вздохнул. Ну да, когда я впервые прочитал о том казусе в какой-то желтой газетке, которых в девяностые выходило туча хуча, мне страстно захотелось, чтобы все эти выигранные кем-то миллионы взяли и свалились мне на голову. Вот так, внезапно... Я вообще в тот момент дико мечтал разбогатеть. И, поскольку никакой легальной или хотя бы реальной возможности сделать это у меня тогда не было, я мечтал о всяких невозможных случаях. Мол, иду вечером со службы, а тут из-за поворота вылетает «шестисотый» — а за ним погоня. Менты! Или там джип, ну который «широкий». Конкуренты то есть. Ну и перестрелка! И тут — раз, в преследуемом «шестисотом» открывается окно, из которого в кусты вылетает дипломат. А когда вся эта кавалькада скрывается вдали, я тихонько подбираюсь к дипломату, а там — опа, баксы! Сто тысяч! А может, даже и сто пятьдесят... Большие суммы мне тогда представить было сложно. Да и вообще казалось, что и ста тысяч хватит на все. Самая супер-пупер четырехкомнатная квартира в нашем городке стоила тысяч шестьдесят. Машина... «Волга» стоила меньше десяти тысяч баксов. «Лада» «девятка» меньше семи. За схожую сумму можно было купить «Опель Рекорд»

или «Форд Сьерру» лохматого года, которые уже начали появляться на просторах рассыпавшейся страны, а если чуток добавить — то и «Ауди-100» модели «крокодил». Еще из иномарок у нас были в доступе подержанные «японцы», которых гоняли через всю страну с Дальнего Востока по раздолбанным грунтовкам и зимникам, да понтовые «шестисотые» и те же «широкие». Но последние стоили совсем уж конски и даже в мечтах в качестве кандидатов в собственный автомобиль мной тогда не рассматривались. Машина ценой в двухкомнатную квартиру — да на фиг такое счастье!

Еще я тогда с жадностью читал истории о найденных кладях, о ценностях, изъятых у арестованных воров в законе и раскрытых шпионов. И не только читал — я завел себе блокнот, в который выписывал подобную информацию — где, что, сколько, как нашли. Как морок какой-то тогда охватил...

Впрочем, продолжалось это недолго. До «МММ». Ну да, я тоже в это вляпался. Нет, потерял я по сравнению с большинством тех, кто влез в это дело, немного — долларов двести... Впрочем, это смотря с чем сравнивать. Тогда двести долларов примерно соответствовали полутора моим месячным зарплатам. А копил я их втайне от жены почти два года. Так что сами считайте — много это тогда было для меня или немного...

— Ну все, дед, я побежала, чмоки! — Звонкий голосок Алены раздался из комнаты, когда я уже допивал чай.

— Беги уж, шепутная... — пробурчал я в ответ, но меня уж никто не услышал. В прихожей хлопнула

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. И СНОВА ЗДРАВСТВУЙТЕ!

дверь, и квартира снова погрузилась в утреннюю тишину.

Таблеток было шесть. Потому что была среда. Во вторник и пятницу мне надо было принимать по восемь. А в воскресенье всего три. Так что, закончив с завтраком, я вытащил из ящика упаковки с блистерами и аккуратно разложил таблетки на салфетке, поставил рядом полный стакан воды. После чего ухватил первую, синенькую, которая «от давления», и забросил ее в рот, запив двумя глотками воды. Второй пошла «от сердца». Затем обычный аспирин, который я принимал «для разжижения крови». Нет, были и более продвинутые препараты, но стоили они раз в пятнадцать дороже, так что на фиг, на фиг... Ну а после пошли все остальные.

Покончив с таблетками, я минуту посидел, а потом встал, вернулся в комнату и занял кресло перед компом, нагретое убежавшей правнучкой. Эта стрекоза даже не закрыла открытые «окна». И чего это она тут смотрела? Перинатальные центры Москвы? Оп-па...

После появления теломерной терапии демографическая ситуация в мире в который раз радикально поменялась. Ну как минимум в наиболее развитой его части... Дело в том, что самым приемлемым возрастом ее начала везде стали считать двадцать пять лет. То есть время, когда организм находится на пике, но процессы естественного роста уже точно завершились. Потому что теломерная не только почти в два раза замедляла процессы старения организма, но и параллельно она еще точно так же замедляла и процессы его развития. Не все и не

настолько же, но, скажем, процесс формирования мышечной массы точно замедлялся. Как и процесс формирования новой костной ткани. То есть тем же спортсменам и выздоравливающим прием этих препаратов был категорически противопоказан. И с беременностью дело обстояло точно так же — прием препаратов теломерной терапии во время беременности гарантированно приводил к недоразвитию плода... Все это привело к тому, что вопреки всем прежним тенденциям «мамочки» резко помолодели. Большинство молодых женщин теперь предпочитало поскорее родить двоих-троих детей подряд, чтобы к двадцати пяти годам уже выполнить, так сказать, свой долг перед семьей и природой и спокойно «сесть» на теломерную терапию. Чем плохо-то в пятьдесят пять лет, то есть в возрасте, когда эффективность терапии резко падает, а затраты на нее сильно возрастают, иметь организм, которому биологически только-только исполнилось сорок...

Так что все было закономерно. Алене уже двадцать один — самое время рожать. Но все равно — новость ошеломила. Я встревоженно нахмурился. А потом похлопал по карману рубашки и досадливо сморщился. Вот ведь растяпа — «валидол» на кухне забыл! На самом деле эти капсулы назывались как-то по-другому, куда более заковыристо, но предназначались для того же самого, для чего и валидол. Вот я их так и называл. Стар уже всякие заковыристые слова запоминать... Потом перелистнул пару «окон». Да уж, выросла девочка... а и хорошо! Жизнь продолжается, дети рождаются — чему тут печалиться-то?

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. И СНОВА ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Я улыбнулся и, закрыв «окна», открытые правнучкой, вывел на экран текст своей новой книжки.

Писателем я стал совершенно неожиданно для себя. Скажи мне кто году эдак в девяностом, что меня ждет подобная стезя — я долго ржал бы и крутил пальцем у виска. Потому что всегда не любил писать. Ну вот совсем. Ненавидел практически. Преподаватели в военном училище регулярно гнобили меня за слишком скудные и куцые конспекты, а когда я выпустился и стал молодым взводным, то любой проверяющий, который прибывал на мои занятия с личным составом, непременно писал в замечаниях, что «план-конспект занятий недостаточно проработан». И вот на тебе такой поворот... А вот читать я любил с детства. Да что там любил... я просто глотал книги! Может, оттуда все и пошло. Ну, типа не нашел книгу, которую захотел прочитать, — вот и пришлось написать ее самому...

Проработав до полудня, я поднялся из-за стола и, со скрипом потянувшись, двинулся в прихожую. Одеваться. Каждый день, если на улице не было дождя или сильного ветра, у меня была двухчасовая прогулка в парке, расположенном неподалеку от дома, за время которой я должен был находить не менее шести километров. Пока жена была способна ходить — мы гуляли вместе. У нас даже были отработаны два основных маршрута, которые назывались: «вокруг озера» и «вокруг двух», а также дополнительный, «включающийся» после того, как пройдены основные. Он именовался «а давай еще вокруг оврага кружок сделаем?». Но и после ее ухода прогулки так же остались непременным пунктом распорядка. Ибо